

мраморным церквям, а главное – увидеть, как внизу воды Арно бьются о парапет набережной» [3]. И не случайно в заключительной главе романа они с мужем снова приезжают во Флоренцию и теперь уже вместе смотрят из окна «комнаты с видом». Но перед нами другая Люси – уверенная в себе, свободная в своих желаниях, реализовавшая себя в любви независимая женщина.

Итак, автор романа «Комната с видом на Арно» следует традициям реалистического создания образа, ставя своих персонажей в зависимость от окружающих социальных и материальных условий жизни. Герои Форстера действуют в конкретных ситуациях, их характеры индивидуализированы и находятся в постоянном развитии. В ограниченном, на первый взгляд, мире интимных отношений персонажей своего раннего романа писатель сумел отразить некоторые закономерности мира в самом широком его понимании, и в этом его несомненная заслуга.

Литература

1. Словарь литературных терминов. 2009–2022 [Электронный ресурс]. URL: <http://litterms.ru/h/323> (дата обращения: 07.08.2022).
2. Форстер Э. М. Аспекты романа (отрывки) / пер. М. Шерешевской. URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A4/forster-edvard-morgan/esse/6> (дата обращения: 10.08.2022).
3. Форстер Э. М. Комната с видом на Арно [Электронный ресурс] // KNIJKY.ru. 2015. URL: <https://knijky.ru/books/komnata-s-vidom-na-arno> (дата обращения: 12.08.2022).

УДК 821.111(73)

О. А. Бобок (Тула, Россия)

Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого

«Поглубже моря будет Мозг»:

Эмили Дикинсон о безграничных возможностях человеческого разума

В статье проводится исследование, касающееся размышлений американской поэтессы XIX века Эмили Дикинсон о сути, роли и значении человеческой способности мыслить. В своих стихотворениях и письмах она доказывала ценность этого дара, воспевала силу Разума.

Ключевые слова: Дикинсон, мозг, мышление, разум, поэтесса, истина

She had to think – she was the only one of us who had to do that.

(Лавиния Норкросс Дикинсон о своей старшей сестре Эмили)

Эмили Дикинсон относилась к тому сорту людей, которые в первую очередь ценят мысль. Томас Уэнтворт Хиггинсон, посетивший ее в августе 1870

года и во время их короткой встречи имевший с ней беседу, цитирует слова поэтессы: «Как это большинство людей живет без единой мысли? В мире очень много людей (Вы, должно быть, замечали это на улице). Как они живут? Откуда они берут силы одеваться каждое утро?» [2, с. 187]. В этих простых словах четко прослеживается ее непонимание бездумной, зависимой жизни, в которой люди следуют установленным обществом правилам и стереотипам.

В книге «Нравственная философия», во второй ее части под названием «Представители человечества», Ральф Уолдо Эмерсон отмечал: «Так, сидя у своего камина, мы обозреваем земные полюсы, тропики или что угодно. Эта почти вездесущность вознаграждает нас за пошлость обыденного быта» [4, с. 217]. Вот и по мнению Э. Дикинсон, человеческий мозг обладает безграничными возможностями; способность думать, анализировать, представлять в воображении то, что не подвластно зрению и слуху, позволяет сделать жизнь полной, осмысленной, независимой и свободной:

The Brain – is wider than the Sky –
For – put them side by side –
The one the other will contain
With ease – and You – beside –

Мозг человека воистину шире неба, более того, способен вместить его целиком. И не только его. Он поглотит и все моря, ибо его глубина с ними несравнима. И, наконец, человеческий мозг сравним по весомости, по значению с Богом, а это уже очень смелое сравнение для женщины, живущей и воспитанной в кальвинистской среде.

The Brain is just the weight of God –
For – Heft them – Pound for Pound –
And they will differ – if they do –
As Syllable from Sound – (632) [6].

Она думала постоянно. Думала обо всем, с чем сталкивалась в своей обыденной жизни: во время прогулок по лесам и полям, во время чтения книг, в периоды выполнения обязанностей по дому или работы в саду. Значительно труднее было для Эмили Дикинсон выражать мысли, делиться ими с окружающими. В письме Т. У. Хиггинсону в апреле 1862 года она пишет: «Двое редакторов журналов приезжали к моему отцу этой зимой и просили меня поделиться моим Разумом, и когда я спросила – «зачем?», они сказали, что я скупая и что они могли бы сделать так, чтобы он принес пользу миру» [1, с. 284]. Одним из приемлемых способов общения для невероятно застенчивой молодой женщины было общение посредством писем. Но ее все больше захватывал процесс сочинительства, написания поэтических произведений.

They shut me up in Prose –
As when a little Girl

They put me in the Closet –
Because they liked me “still” –

Still! Could themself have peeped –
And seen my Brain – go round –
They might as wise have lodged a Bird
For Treason – in the Pound – (613) [6].

Уже в юности она стремилась вырваться из «оков прозы»: обыденности, монотонности, покоя, установленных семьей и обществом Амхерста правил; её разум, её интеллект, её богатый и живой внутренний мир были направлены к движению, переменам, неординарности и свободе. В последнем (третьем) четверостишии этого стихотворения она видит себя птицей, взирающей, подобно звезде, с небес и с презрением насмехающейся над своей «тюрьмой», своим «пленом».

Именно поэзия, собственные стихи и стали постепенно основным способом выражения её мыслей. Среди стихотворений Эмили Дикинсон можно найти поэтические произведения не только на абсолютно разные темы, но и относящиеся к разным формам выражения мысли: это и стихотворения-вопросы, и стихотворения-размышления, и стихотворения-сомнения, и стихотворения-загадки, и стихотворения-дефиниции. И это, разумеется, далеко не полный список. Она повествует о горечи потери, о страдании и об осторожном, даже бережном к нему отношении:

I measure every Grief I meet
With narrow, probing, eyes – (561) [6].

Она передает ощущение непереносимой непреходящей острой душевной «боли», отчаяния:

It struck me – every Day –
The Lightning was as new
As if the Cloud that instant slit
And let the Fire through – (362) [6].

Она с горечью пишет о потере веры, называя ее «блуждающим огоньком» или «обманчивой надеждой» (*ignis fatuus*):

Those – dying then,
Knew where they went –
They went to God’s Right Hand –
That Hand is amputated now
And God cannot be found – (1551) [6].

Как человек мыслящий критически, Дикинсон постоянно задает вопросы. Она пытается ответить на них, но иногда вопросы остаются без ответа, так как

она осознает, что все относительно и зависит от точки зрения. Так появляются стихотворения-вопросы:

Is Heaven a Physician?
They say that He can heal –
But Medicine Posthumous
Is unavailable –

Is Heaven an Exchequer?
They speak of what we owe –
But that negotiation
I'm not a Party to – (1270) [6].

Но гораздо чаще Дикинсон старается размышлять, рассуждать, упорно ищет ответы, объяснения. Ей важно дойти до сути, найти смысл, истину, какими бы горькими подчас они ни были.

I reason, earth is short,
And anguish absolute,
And many hurt;
But what of that?

I reason, we could die:
The best vitality
Cannot excel decay;
But what of that?

I reason that in heaven
Somehow, it will be even,
Some new equation given;
But what of that? (301) [6].

В этом стихотворении-рассуждении она выражает уверенность в том, что жизнь на Земле кратка и быстротечна, что боль абсолютна и неизбежна, что никакая жизненная сила и энергия не помогут избежать распада и смерти, что смерть всех сделает равными и что каждый получит своё на небесах... Но имеет ли всё это значение? Повторяя в начале каждой строфы одну и ту же фразу – «Я думаю» или «Я полагаю» (*I reason*), а в конце – «Но что с того?» (*But what of that?*) – Дикинсон пытается сказать, что сама она не сомневается: *не имеет*. Мы знаем это, мы пытаемся это понять и осознать, но изменить ничего не можем, это не в наших силах. Значит, это надо просто принять.

Еще одно основополагающее рассуждение для Дикинсон заключено в стихотворении “*Much Madness is divinest Sense*”:

Much Madness is divinest Sense –
To a discerning Eye –
Much Sense – the starkest Madness –
'Tis the Majority

In this, as all, prevail –
Assent – and you are sane –
Demur – you're straightway dangerous –
And handled with a Chain – (435) [6].

По мнению поэта, всё следует изучать, подвергать анализу и сомнению, на всё смотреть «прозорливым взглядом», так как подчас всё оказывается «не тем, чем кажется». В безумии скрыт гениальный ум, а здравомыслящие, на первый взгляд, и есть настоящие безумцы. Они в большинстве, а потому им решать, прав ты или нет, а если не прав, не опасен ли. Чтобы не оказаться «посажённым на цепь», тебе просто надо с ними соглашаться, следовать их правилам, идти по протоптанному ими пути.

Есть у Дикинсон и стихотворения, которые схожи с загадками, иносказательными поэтическими описаниями какого-либо предмета или явления, нуждающимися в объяснении, разгадке.

Portraits are to daily faces
As an Evening West,
To a fine, pedantic sunshine –
In a satin Vest! (170) [6].

Чаще всего загадочными оказываются стихотворения, в которых речь идет о сложных, противоречивых, спорных вещах или о том, что было малопонятно самой поэтессе (о вере в бога, любви). Вот, например, что это за мысль, идея, которую Дикинсон так и не смогла выразить словами? Как с помощью искусства (слова или краски) передать, изобразить жизнь?

I found the words to every thought
I ever had – but One –
And that – defies me –
As a Hand did try to chalk the Sun

To Races – nurtured in the Dark –
How would your own – begin?
Can Blaze be shown in Cochineal –
Or Noon – in Mazarin? (581) [6].

Порой создаётся впечатление, что Дикинсон и сама не знает ответа или не уверена в нём. Поэт как бы вовлекает нас в игру, в процесс поиска смысла того, что ею сказано. При этом она показывает, что интерпретаций может быть не-

сколько и мы сами вправе выбирать, какое толкование нам ближе. Особенно загадочными и труднообъяснимыми становятся в некоторых стихотворениях местоимения *He* (он), которое может обозначать и Бога, и возлюбленного, и друга, и *It* (оно или это). Так, например, через повтор конструкции отрицания Дикинсон создает атмосферу потерянности, одиночества, отчаяния, не объясняя полностью, что и где происходит:

It was not Death, for I stood up,
And all the Dead, lie down –
It was not Night, for all the Bells
Put out their Tongues, for Noon (510) [6].

Процесс мышления очень сложен: от зарождения, формирования мысли до её выражения, облечения в слова. Мысли приходят и уходят таинственно и бесконтрольно; порой они неуловимы; иногда мы их до конца сами не понимаем; они теряются, меняются, принимают другое обличье, превращаются в свою противоположность. В этом Эмили Дикинсон не сомневается. В одном из своих стихотворений она с определённой долей иронии так описывает момент «посещения её головы мыслью»:

A Thought went up my mind today –
That I have had before –
But did not finish – some way back –
I could not fix the Year –

Nor where it went – nor why it came
The second time to me –
Nor definitely, what it was –
Have I the Art to say –

But somewhere – in my Soul – I know –
I've met the Thing before –
It just reminded me – 'twas all –
And came my way no more – (701) [6].

Но мысли, порой трудно контролировать. Они разбегаются, рассыпаются, как бисер, не хотят соединяться в логическое целое. И об этом тоже задумывается Дикинсон. Так появляются её стихи-сомнения.

I felt a Cleaving in my Mind –
As if my Brain had split –
I tried to match it – Seam by Seam –
But could not make them fit.

The thought behind, I strove to join
Unto the thought before –
But Sequence ravelled out of Sound
Like Balls – upon a Floor (937) [6].

Однако желание понять и объяснить мир, который её окружает, зачастую берёт верх. Дикинсон нередко использует прием, который позволяет ей давать разъяснение самых различных чувств и явлений, таких как отчаяние, надежда, горе, радость, страдание, одиночество, тоска. Вот начальные строки некоторых стихотворений-дефиниций: *Publication – is the Auction Of the Mind of Man, “Hope” is the thing with feathers – That perches in the soul; Hope is a subtle Glutton; Grief is a Mouse – ... Grief is a Thief; Presentiment – is that long shadow – on the Lawn; Remorse – is Memory – awake; Exhilaration is the Breeze.* При этом Дикинсон почти всегда находит связь между абстрактным понятием и материальным предметом или живым существом, хорошо знакомым любому человеку. Это, как правило, абсолютно естественная для неё связь между миром внутренним и миром внешним, материальным. “To make the abstract tangible, to define meaning without confining it, to inhabit a house that never became a prison, Dickinson created in her writing a distinctively elliptical language for expressing what was possible but not yet realized” [5].

Несомненно, наличие мысли и желание её «понять» – это только начало пути. Следующим шагом становится необходимость найти слова, которые смогут выразить и саму мысль, и процесс её «осмысления». В стихотворениях Дикинсон часто слова «мозг», «разум», «интеллект», «дух», «душа», «сознание» оказываются взаимозаменяемыми, чуть ли не синонимами. Другое дело – сердце. Поэт проводит чёткую грань между сердцем как источником чувств, эмоций и мозгом, разумом как источником идей. В то же время она демонстрирует их связь и зависимость, так как, по её мнению, мозг без сердца лишён пищи и жизни, ему просто нечем питаться:

The Mind lives on the Heart
Like any Parasite –
If that is full of Meat
The Mind is fat.

But if the Heart omit
Emaciate the Wit –
The Aliment of it
So absolute (1355) [6].

Дикинсон уверена, что в большинстве случаев одно без другого существовать не может: они неотъемлемые части одного «континента», где сердце

является столицей, а интеллект – штатом или государством, население которого состоит из нации по имени «ты».

The Heart is the Capital of the Mind –
The Mind is a single State –
The Heart and the Mind together make
A single Continent –

One – is the Population –
Numerous enough –
This ecstatic Nation
Seek – it is Yourself (1354) [6].

А. Кудрявицкий отмечает: «Веря, что могущество разума беспредельно, Эмили Дикинсон с готовностью, даже с покорностью принимала тесные рамки своей жизни. Она знала, сколь они условны. Безграничной и первозданной для нее была сама радость бытия» [3, с. 13].

There is another Loneliness
That many die without –
Not want of friend occasions it
Or circumstances of Lot

But nature, sometimes, sometimes thought
And whoso it befall
Is richer than could be revealed
By mortal numeral – (1116) [6].

Дикинсон ратует за одиночество, которое является следствием не отсутствия друзей или наличия печальных обстоятельств жизни, а результатом работы неординарной, безграничной, свободно парящей высоко над землёй мысли. Это и есть подлинное богатство и живое наследие американской поэтессы.

Литература

1. Дикинсон, Э. Лирика. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 284.
2. Дикинсон, Э. Письмо миру. М.: Эксмо, 2013. С. 187.
3. Кудрявицкий, А. И. Послание миру // Дикинсон Э. Лирика. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 13.
4. Эмерсон, Р. У. Нравственная философия. М.: АСТ, 2001. С. 217.
5. Poetry Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.poetry-foundation.org/poets/emily-dickinson#:~:text=To%20make%20the%20abstract%20tangible,possible%20but%20not%20yet%20realized> (дата обращения: 04.08.2022).
6. The Poems of Emily Dickinson [Электронный ресурс] / ed. by Thomas H. Johnson. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 1955. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Author:Emily_Dickinson (дата обращения: 02.08.2022).